

Стоп!

Юй Цинь тряхнула головой, пытаясь отогнать навязчивую мелодию, внезапно зазвучавшую в мыслях.

Определившись с песней, она попросила евнуха позволить ей обсудить музыкальное сопровождение с музыкантами. Тот отправил человека за разрешением, и начальство дало добро. Юй Цинь припомнила одну мелодию в старинном стиле, которую знала сама, и напела её. Придворные музыканты оказались невероятно талантливы — им хватило одного раза, чтобы всё запомнить.

Безупречно исполнив песню, Юй Цинь под присмотром евнуха вышла из зала, после чего объявили имя Фэн Линъюй.

— Сяо Юй, Сяо Юй, — Юй Цинь с сожалением покачала головой, — как жаль, что я не увижу, как ты демонстрируешь свой талант.

В конце концов, она вложила немало сил в описание танца главной героини, и пропустить его живую было досадно. Фэн Линъюй, заметив на лице Юй Цинь слишком уж огорченное выражение, не удержалась и прикрыла рот ладошкой, тихо рассмеявшись:

— Это всего лишь обычное выступление, чего тут жалеть?

Юй Цинь посмотрела на её прекрасные, словно нарисованные черты лица, не стала ничего отвечать, лишь поторопила её идти на отбор, а сама отправилась искать тенистое место, чтобы подождать.

В этот момент во дворе внешнего дворца осталась только она одна. Они с Фэн Линъюй были предпоследней и последней участницами второго этапа отбора, а после него девушкам разрешалось сразу покинуть дворец и вернуться домой. Все уже разошлись, и только Юй Цинь дожидалась подругу.

Время, в которое она попала, пришлось на самый разгар лета. Солнце слепило глаза, и Юй Цинь невольно начала мечтать о ледяном арбузе и кондиционере.

Вскоре Фэн Линъюй вышла из зала. Румянец от танца и глаза, которые, казалось, слегка сияли при виде Юй Цинь, придавали её обычно невозмутимому лицу особое очарование.

Юй Цинь помахала рукой:

— Сяо Юй!

Выйдя за пределы императорского дворца, Юй Цинь предложила вместе пообедать, но Фэн Линьюй ответила, что ей нужно уладить кое-какие дела, поэтому они распрощались.

В карете Юй Цинь переделалась в свое платье и предложила Цин И и Хун И поесть где-нибудь в городе.

— Давайте в ресторан Радость сороки! — предложила Хун И. — Юная госпожа больше всего любит их тефтели!

Цин И была не против, а Юй Цинь — тем более. Карета плавно катилась по дороге, и Юй Цинь начала клевать носом.

Внезапно раздались испуганные возгласы служанок, карета резко дернулась, и Юй Цинь, испугавшись, прижала руку к бешено колотящемуся сердцу. Снаружи донесся строгий голос Хун И:

— Малыш, ты куда смотришь?

Следом раздался голос Цин И:

— Чей ты ребенок? Где твои взрослые?

Юй Цинь стало любопытно, она выглянула наружу, а увидев, что Цин И и Хун И кого-то загородили, вышла из кареты. Вокруг начали собираться прохожие. Юй Цинь увидела перед каретой маленького мальчика лет пяти-шести, который сидел на земле.

Даже не разбираясь в тканях, она могла сказать, что одежда на ребенке была очень дорогой. Несмотря на то что лицо мальчика было перепачкано, это не скрывало его изысканной красоты. От него так и веяло ощущением, что перед ней маленький господин из богатого дома.

В глазах, похожих на черный виноград, скопились слезы, губки были плотно сжаты. Он не обращал внимания на служанок. Юй Цинь догадалась, что ребенок знатного происхождения, шепнула пару слов Цин И и Хун И, подошла к мальчику и присела перед ним на корточки. Протянув руку, она мягко и с улыбкой произнесла:

— Больно упал? Это мы были неосторожны. Я прошу у тебя прощения, давай вставай?

Юй Цинь знала: главное оружие её нынешнего тела — это улыбка. Ямочки на щеках и светлый взгляд обладали невероятной притягательностью и были самым эффективным способом расположить к себе человека при первой встрече.

И правда, мальчик уставился на неё своими черными блестящими глазами, помедлил

несколько секунд и вложил свою маленькую ладошку в руку Юй Цинь.

Она помогла ему подняться, попутно отряхивая испачканную и помятую одежду, и спросила:

— Ушибся где-нибудь?

Мальчик помолчал, прежде чем ответить:

— Рука... болит.

Юй Цинь поспешно закатила рукав и обнаружила на нежной, белоснежной коже ссадину, которая выглядела довольно пугающе.

— О боже, — ахнула Хун И, стоя за спиной госпожи.

— Где твои родные? — Юй Цинь постаралась сделать голос как можно мягче, глядя ребенку прямо в глаза. — Рану нужно скорее обработать. Я отвезу тебя к ним.

Мальчик снова замолчал, плотно сжав губы, и лишь смотрел на Юй Цинь своими виноградными глазами.

— Юная госпожа, — нерешительно произнесла Цин И, — может, сначала отвезем его в лечебницу?

Юй Цинь посмотрела на упрямого малыша и ласково спросила:

— Давай мы сначала отвезем тебя к лекарю, хорошо?

Мальчик посмотрел на неё и кивнул.

— Ладно, — выдохнула Юй Цинь, взяла его за руку, поднялась и повела в карету. — В ближайшую лечебницу, — распорядилась она кучеру.

Карета снова тронулась.

— Как тебя зовут? — Юй Цинь достала платок и начала вытирать лицо мальчика. — Почему ты один? Это очень опасно.

Видя, что ребенок молчит, она не стала настаивать. Платок почти полностью убрал грязь, и мальчик стал выглядеть еще красивее и утонченнее.

Боже, какой же он миленький! — Юй Цинь светилась от восторга и еле сдержалась, чтобы не чмокнуть его в белые нежные щечки.

Мальчик внезапно заерзал, его маленькие округлые ушки покраснели, и он пробормотал:

— Я... меня зовут... Пинъань...

— Пинъань? — Юй Цинь с улыбкой погладила его по голове. — Какое прекрасное имя.

— Юная госпожа, мы приехали, — раздался голос Цин И.

— Поняла, — ответила Юй Цинь и улыбнулась мальчику: — Пойдем со мной.

В лечебнице Пинъаню обработали ссадину и окончательно отмыли его чумазое лицо. Юй Цинь купила ему чистую одежду, и к этому моменту ребенок уже перестал быть таким настороженным, вот только по-прежнему отказывался говорить, где его семья.

Юй Цинь не стала давить — за ребенком из богатого дома наверняка скоро придут. Она забрала его с собой и направилась в ресторан Радость сороки. За всеми этими делами она проголодалась до ужаса.

Кухня ресторана была сладковатой, что не совсем соответствовало вкусам Юй Цинь — она любила острое. Хотя блюда были приготовлены безупречно, ей всё равно чего-то не хватало.

Юй Цинь почмокала губами и сказала Пинъаню, который уплетал еду за обе щеки:

— Вот мы и пообедали, нам пора домой. Тебе ведь тоже пора возвращаться к своим?

Мальчик, грызший куриную ножку, замер и посмотрел на Юй Цинь своими красивыми глазами:

— Сестрица Сяо Цин, ты можешь поиграть со мной?

Юй Цинь только хотела отказаться, как увидела, что в его черных глазах снова стоят слезы:

— Сестрица... у меня с рождения нет ни папы, ни мамы... старшие братья никогда не разрешают мне выходить гулять...

Перед лицом такого красивого и беззащитного ребенка Юй Цинь проявила полную слабость:

— Хорошо, хорошо, я поиграю с тобой.

Она только хотела спросить, куда именно они пойдут, как в дверь отдельного кабинета постучали.

<http://bllate.org/book/20251/2019424>